

АКТЕР, УМЕЮЩИЙ ВСЁ

Независимая газета, — 2000. — 3 марта. — с. 7

Вера Максимова

«СИНТЕТИЧЕСКИЙ актер» на драматической сцене — значит умеющий петь и танцевать, хорошо и ритмично двигаться. Какое неправильное слово — «синтетический» — о народном артисте Советского Союза Владимире Зельдине! Ужасное слово, потому что содержит в себе некий смысл *искусственного*. Как будто актер рождается не тайной и благоволением судьбы, а простым (в результате тренировок и упорной работы) сложением элементов-умений (пения, танца, ритмического действия).

Зельдин — ученик поззатиого ныне Евсея Осиповича Любимова-Ланского, режиссера-психолога, «бытовика», скромного «передвижника» советской сцены послеоктябрьских лет, охваченной буйством формальных, не сразу истребленных «системой» исканий. Но также и ученик великого Алексея Попова. Он из той плеяды славных, которую в 30-е, 40-е, 50-е годы собирал в ЦТКА, растил «хмурый мастер». Попова мы вспоминаем часто. Потому что недостает сегодняшнему русскому театру людей, в которых гений соединялся бы с высоким умом и неколебимым человеческим достоинством.

Ученик скромного Ланского и великого Попова, Зельдин на драматической сцене умеет все.

Но он вовсе не «синтетический»! Восемьдесятпятилетний Владимир Михайлович такой живой. Удивительный и удивляющий.

Вдохновенный. Заряженный энергией высокого творческого любопытства. А кроме того, он очаровательный, милый. Вот и о. президента России Владимир Путин назначил старому актеру персональную юбилейную аудиенцию — с роскошным букетом, подарками и шампанским. А важности в Зельдине нет как нет. Нет той личной «маски», интригующей закрытости от людей, о которых пекутся некоторые из нынешних «звезд».

Великолепного роста, не тронутый старческой сутулостью, статный, в рубашках невероятной белизны, в ярких жилетах отменного вкуса, Зельдин всегда наряден, благородно красив. То, что он актер, видно издала. Но ведь и театр, к которому он духом, плотью, статью принадлежит, — тоже «нарядный», праздничный. В таком театре все отчетливо и ярко, все выражено, ибо, как говорил незабвенный учитель Зельдина Попов, не реализованное действительно на сцене не существует.

Младшеклассницей, в конце 40-х годов, не из кресел, а со ступеней вечно аншлагового, переполненного в то время большого зала ЦТКА увидела я гремевшего на всю Москву «Учителя танцев» с Зельдиным-Альдемаро. Полвека прошло с тех пор, но я помню его угольно-черные завитки надолго, взвизгивающие или вихрастые, тяжелую серьгу в ухе и то, как, попирая доски пола молодыми, сильными, стройными ногами, выделял артист движения изящной паваны, стремительного болеро, шуточного зоронго. Я помню, как трепетали широкие рукава его белой шелковой рубашки. (Рубашу с распахнутым воротом, рукавами-парусами, рукавами-облаками подсказал Зельдину Попов. До этого был кожаный, мешавший движению колет, и роль не шла.)

Не Попов, который лишь заходил на репетиции, ставил «Учителя танцев», а очередной режиссер Владимир Канцель. Репетируя в

театральном поднебесье, там, где сегодня расположена Малая сцена, Канцель не знал, что ставит шедевр, что его спектакль проживет полвека, что Зельдин сыграет Альдемаро более тысячи раз! Какие великолепные очередные режиссеры были в те годы и еще много позже в ЦТКА! Первостепенные мастера и самобытные художники. Канцель, Окуничков, Шатрин, Мокин, Буткевич, интеллигентный и тонкий, с первых шагов отмеченный Поповым Львов-Анохин... Безмерно талантливый смолodu, «преждевременно гениальный» в «Смерти Иоанна Грозного» и «Тайном обществе», Леонид Хейфец тоже начинал как очередной. С каждым из них Зельдин работал, а те спектакли, в которых не участвовал, смотрел из зала.

Подобно легендарной «Мадмуазель Нитуш», «Учитель танцев» утолял потребность в радости у людей, переживших войну и ожидавших счастья.

ного, где есть и Шоу, и Эдуардо де Филиппе, и Касона, и трудный для нашей сцены Ануй, и загадочный Кокто...

Облик — изысканный европейец, с манерной, чуть выпяченной речью, он, однако, обожал играть русских солдатиков и сержантов, не любил расставаться с военными ролями, отдавать их. Старая, в какой-нибудь пустяковой комедии «Душа солдата» менял парички — темные на светлые, что его молодило, но не украшало. Актер военного театра, он искренне и сильно всю жизнь любил армию.

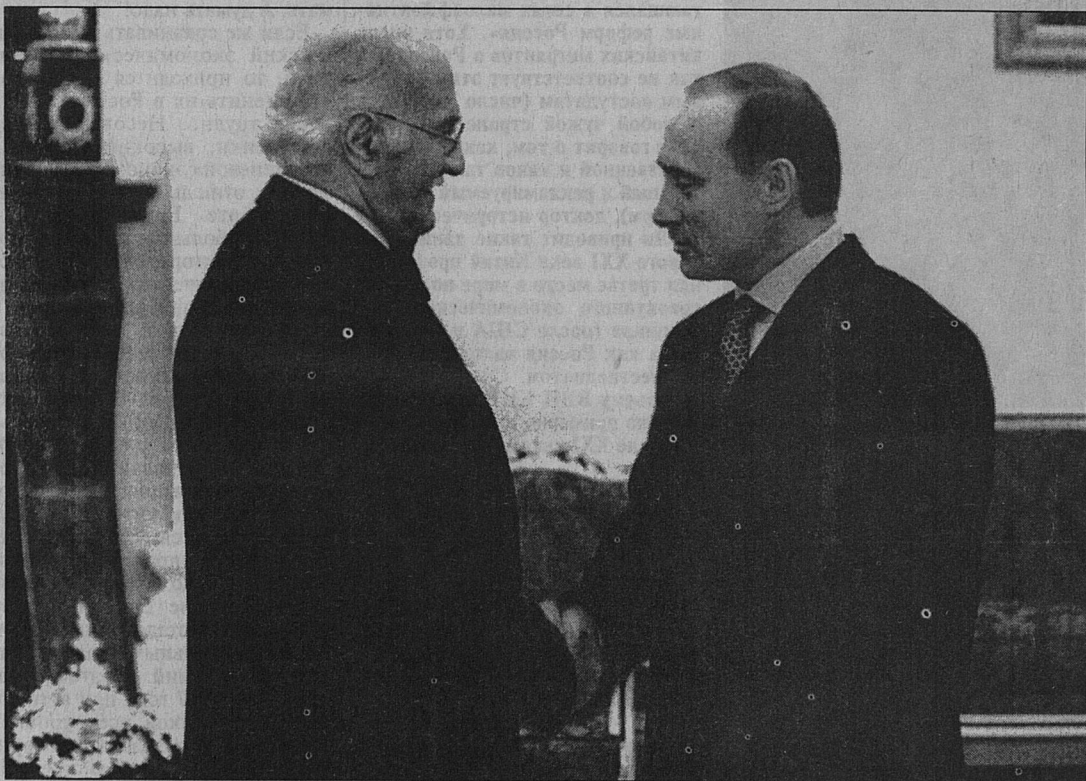
Актерски очевидное — музыкальное, танцевальное, даже романтически-приподнятое далеко не исчерпывало Зельдина. Оставалась загадка. Вдруг в забытой еще с 30-х годов пьесе украинского драматурга Кочерги «Часовщик и курица» — в скучноватом и стильном спектакле Хейфеца, являлся некий граф Лундышев, седой, породистый, печальный. И вместе с ним входило изгойство, горькое сирот-

ишет виноватых, мучается рефлексией, требует внимания и утешения, но никогда не примет правды о себе.

Как возникает это ощущение значительности от художника и человека? Ведь не один преклонный возраст тому причиной? Бывает, доживают свой век в искусстве и ничтожные, в прошлом знаменитые старики.

Сегодня, во времена постоянно сменяемых нравственных ориентиров, Зельдин остается верен себе. Имеет крошечную двухкомнатную квартиру и не желает большей, лучшей. Ходит из театра домой пешком. По вечерам гуляет с собакой. Любит общество, «тусовки», на которых почти не ест и ничего не пьет и общается не с теми, ктолезен и нужен, а с теми, кого любит. Он поступает «вопреки» и многое говорит «вопреки», не подлаживаясь под жестокую либеральную моду эпохи российских реформ.

В пору величайших гонений на

Владимир Зельдин на аудиенции у Владимира Путина. Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

Еще одно смешное видение послевоенных лет в новеньком дачном поселке ЦТКА. Все сажают картошку и морковку, берегут каждый сантиметр соток под овощи (подпорье в скудной кормежке.) Кажется, и сам Алексей Дмитриевич Попов огородничал в те годы. За заборами — согнутые над грядками спины. И только возле одного домика — самого маленького, чистенького, вроде игрушечного, на лужайке, где ни картошки, ни грядки, стоит красивый человек в светлом плаще, в синем галльском берете чуть набор и из тоненького резинового шланга невозмутимо поливает свой зеленый лужок... Пластический дар у Зельдина, выросшего в музыкальной семье, природный.

«Детского» в Зельдине, созданном для мюзиклов, для костюмных, эффектных ролей, для комедий и драм в стихах, предостаточно. Так и вычерчивалась линия его судьбы от музыкально-танцевальных «Учителя танцев», «Стрекозы» М.Бараташвили (Кохта) к благодарному разбойнику Ринальдо — «Ринальдо идет в бой» Д.Модуно, к «Песне о черноморцах» Б.Лавренева (Ставриди), к оперетте «Раскинулось море широко» (Чижов), а далее — к пьесам западноевропейского репертуара, сегодня для Зельдина, ветерана и мэтра, основ-

ство человека, навсегда чужого в своей стране. Темпераментный и горячий, Зельдин на этот раз играл бескрайне, бесстрастно, как бы рассматривая своего графа со стороны, рассчитывая позы, интонации немногих фраз, погружаясь в прострацию и неподвижность. На графе — обломке Российской империи как бы прерывалось время, вдребезги разбитое революцией, мистически замирал ход часов истории.

Начав в кинематографе 40-х годов ролью дагестанского пастуха Мусаиба в фильме-оперетте Ивана Пырьева «Свинарка и пастух», в 70-е годы в «Дяде Ване» у Андрона Кончаловского старый актер возшел на вершину своей прерывистой, количественно небогатой киносудьбы.

Он сыграл профессора Серебрякова так, как никто и никогда чеховского профессора не играл. Человеком формы — элитарной, изысканной, отчего мнимость Серебрякова, «обманность» его не просто разгадать. Он сыграл не бездарность, а заурядность, скрывшую в большой мужской привлекательности. Российский вариант Сальери — сумеречного и безрадостного, тягостного для близких и для себя, который может быть толкователем, посредником, но никогда — творцом. И потому

нашу армию не устает повторять, что любит и уважает «людей в погонах». На склоне лет по-прежнему гордится, что в Великую Отечественную войну сыграл 2500 концертов в действующей армии. Он не боится публично и вслух изумляться тому, что в разгар чеченской бойни известный правозащитник сидит в укрепленном и комфортном подвале Дудаева и оттуда обличает «русских оккупантов».

Ему, очень штатскому человеку, нравится работать в военном театре. Он помнит, как помогала армия театру в самые трудные годы. Но помнит и о том, как она не вмешивалась в театральные дела, отчего на сцене ЦТКА в «строгие» времена находили место, обретали себя и Володин, и Зорин, и Крон, и Назым Хикмет, и изгнанный из Молдавии Ион Друце, и многие другие.

Старейший русский актер Владимир Зельдин не хочет быть ни современнее, ни радикальнее, ни левее, ни правее, чем он есть на самом деле. Как не любил, так и не любит театр абсурда, элитарное кино для «трех человек в зале», эротические игры телескрена. Он такой как есть. Удивительный и прекрасный. Несостарившийся, молодой Владимир Михайлович Зельдин.